

**Пресс-конференция на тему
«Экспорт и повышение надежности поставок в Европу»
6 июня 2017 года**

ВЕДУЩИЙ: Доброе утро, коллеги. Мы продолжаем серию пресс-конференций в преддверии годового Общего собрания акционеров. Сегодня речь пойдет об экспорте и повышении надежности поставок газа в Европу.

В пресс-конференции принимают участие заместитель Председателя Правления Александр Иванович Медведев, начальник Департамента Павел Валерьевич Одеров и генеральный директор компании «Газпром экспорт» Елена Викторовна Бурмистрова.

Коллеги, обращаю внимание на то, что пресс-конференция, посвященная восточным проектам компании, в т.ч. экспортным, состоится 8 июня. Поэтому просьба все вопросы, которые касаются АТР, приберечь до послезавтра.

Я передаю слово Александру Ивановичу, после чего мы перейдем к вопросам.

А.И. МЕДВЕДЕВ: Коллеги, доброе утро. Видимо, ПМЭФ абсолютно заслуженно отвлек на себя столько внимания, что у нас сегодня аудитория количественно меньше, чем обычно. Но это дает шанс присутствующим использовать больше времени для того, чтобы задать вопросы и подготовить интересные материалы.

Я предлагаю построить нашу работу таким образом, чтобы сконцентрироваться на вопросах. Но, тем не менее, в начале не могу не сказать, что прошлый год стал рекордным в нашей истории. Экспортировано рекордные 179,3 млрд куб. м газа. Эти объемы включают контракты «Газпром экспорта» на 178,3 млрд куб. м, и 1 млрд куб. м был проэкспортирован компанией GAZPROM Schweiz. Кроме того, по всей группе «Газпром», по данным отчетности по МСФО, у нас реализовано 228,3 млрд куб. м. Эти объемы включают экспорт, а также трейдинг.

2017 год также начался очень впечатляюще: установлены новые суточные рекорды, и мы идем с опережением нашего экспортного графика на 9,5 млрд куб. м, а по графику прошлого года опережение составляет 8,5 млрд. Это дает очень хорошие шансы, и, даже если быть очень-очень осторожным оптимистом, уже сегодня можно заявить, что планку в 178 млрд куб. м мы уж точно преодолеем. Я не исключаю, что будет установлен и новый рекорд. Что за этими предположениями стоит? То, что идет активная закачка газа в ПХГ как нами, так и нашими контрагентами, потому что уровень запасов в ПХГ Европы оказался самым низким, пожалуй, за последние 10–15 лет. А для обеспечения безопасности поставок в осенне-зимний период, да и в целом для Европы есть определенные требования по заполнению ПХГ. Поэтому мы фактически и май, и начало июня работаем в зимнем режиме.

За этими цифрами стоит ряд факторов, в т. ч. краткосрочный фактор погоды и, как следствие, фактор ПХГ. Кроме того есть среднесрочные и даже долгосрочные факторы. Это изменение структуры энергопотребления газа в Европе, и положительный пример — это те действия, которые предприняло правительство Великобритании, которое не только объявило о поэтапном закрытии угольной генерации, но и предприняло экономически простые меры, которые известны еще, наверно, со времен Римского клуба. Речь идет о том, что введением налога на тот или иной параметр можно добиться экономического результата по изменению энергобаланса. Фактически энергобаланс Великобритании перевернулся с головы на ноги в течение короткого срока — трех лет. И сейчас газ будет

доминировать. Я общался с рядом руководителей крупных британских энергокорпораций, которые, не скрывая, заявляют, что уже в самом ближайшем будущем им потребуется дополнительный импорт. Причина — не только в изменении структуры спроса, но и, конечно, в падении добычи на тех месторождениях, которые были и остаются основой их газопотребления.

К сожалению, в континентальной Европе такой последовательной энергетической политики нет, но все больше политических деятелей на страновом уровне, да и, пожалуй, уже на уровне Еврокомиссии, начинают задумываться о том, что хватит играть в красивые лозунги. Потому что объем субсидий, которые в конечном итоге оплачиваются потребителем, исчисляется десятками млрд евро, а в совокупности уже и гораздо большими суммами. Поэтому у природного газа очень хорошие перспективы, и, отталкиваясь исключительно от экономических условий, мы реализуем наши инфраструктурные проекты, чтобы быть готовыми удовлетворить спрос как по нашим действующим, так и перспективным контрактам. Хочу напомнить, что у нас на уровне take-or-pay законтрактовано более 4 трлн куб. м газа. А если посмотреть перспективы спроса, то может оказаться, что даже при строительстве «Северного потока — 2» и двух ниток «Турецкого потока» разрыв между спросом и предложением не будет закрыт. И когда говорят: «А как же недозагрузка регазификационных мощностей, загруженность которых сейчас составляет около 25%?», следует помнить, что механика работы регазификационных терминалов и последующего распределения газа не предполагает 100%-го использования этих мощностей. Чтобы эти регазификационные мощности работали в оптимальном режиме, загрузка не должна превышать 70%. Поэтому, даже если предположить, что загрузка мощностей выйдет на эти самые 70%, вопрос, как удовлетворять растущий импортный спрос, все равно остается открытым. И с точки зрения конкурентоспособности, наличия у нас таких возможностей, мы не ограничены. У нас резерв производственных мощностей, которые можно ввести в действие поворотом запорной арматуры, — более 100 млрд куб. м.

Центр нашей газодобычи смещается на полуостров Ямал, где простые экономические расчеты показывают: новый маршрут «Северный коридор» дает нам экономию только на транспорте в размере 50–60 долл. США. Это очень существенная цифра, потому что прогнозная экспортная цена находится где-то в районе 180 долл. США. Плюс, может быть, 2–3 долл. США добавится. Так вот, если исключить экспортную пошлину и посмотреть на эту выручку, то вы увидите, что 50–60 долл. США — это почти половина этой составляющей. Это означает, что экономия и, как следствие, конкурентоспособность этого маршрута является существенным фактором. При этом закрывать глаза на безопасность транзита нельзя. Мы пострадали, откровенно вам скажу, и в 2006, и в 2009 году и рисковать нашим бизнесом не собираемся.

Поэтому, говоря сегодня не о Дальнем Востоке и не об АТР, а о нашем традиционном европейском рынке, хочу подчеркнуть, что мы уверены в экономической окупаемости наших проектов. «Северный поток — 2» идет по графику, «Турецкий поток» начал строиться, уже трубоукладчики работают. Вчера на важность реализации проекта «Турецкий поток» было обращено внимание в разговоре нашего президента с президентом Турции Реджепом Эрдоганом. Этот проект тоже идет по графику, и документы, которые были обсуждены и подписаны на ПМЭФ, показывают огромный интерес к его реализации.

ВЕДУЩИЙ: Переходим к вопросам. ТАСС.

ВОПРОС: Евгения Соколова, агентство ТАСС. Я бы хотела начать с самой злободневной темы — разрыва дипотношений между арабскими странами и Катаром. Не могли бы Вы оценить влияние этого события на рынок СПГ? Может, дать какой-то прогноз, как может сложиться ситуация с поставками из этой страны? Повлияет ли это как-то на цены на газ? И, может быть, в связи с этим вы пересмотрите свой прогноз по экспортной цене? На этот год, насколько я помню, он у вас был 180–190 долл. США за тыс. куб. м.

А.И. МЕДВЕДЕВ: То, что произошло в дипломатических отношениях между Катаром и соседними странами, происходит не в первый раз. Уже был период, когда дипломатические отношения разрывались, но потом в течение того же года — в ноябре, по-моему, того же года — были восстановлены. Министр иностранных дел России Сергей Лавров заявил о том, что эти политические взаимоотношения между странами являются их внутренней кухней. Хотя Катар — не нефтяной экспортер, а газовый, исключать то, что эскалация этих событий может привести к проблемам с экспортом катарского СПГ, нельзя. Произойдет это или нет, мы не знаем. И когда рынок трясет по той или иной причине, это интересно, конечно, валютным и сырьевым спекулянтам, которые зарабатывают на неустойчивости рынка. Мы предпочитаем иметь предсказуемую картину, поэтому давайте будем следить. Я не астролог, чтобы сказать, к чему приведет развитие этой ситуации. Надо подождать.

ВОПРОС: Иван Песчинский, газета «Ведомости». В связи с событиями в Катаре вы как-то пересмотрели свой прогноз на экспорт газа по 2017 году?

И еще уточняющий вопрос. По вашим прогнозам, какие страны покажут наибольший рост?

А.И. МЕДВЕДЕВ: Прошла пара дней всего. Еще даже политологи свой анализ не провели, а вы хотите, чтобы мы начали менять прогноз объемов и цен. Мы пока работаем. Если цена вырастет, это пойдет нам в плюс. Если объемы вырастут — тоже. У нас есть резерв дополнительных поставок трубного газа. Особенно если все-таки будет разрешен вопрос по Oral, который, к сожалению, затягивается.

Е.В. БУРМИСТРОВА: По поводу увеличения потребления газа. В основном это страны Северо-Западной Европы, в первую очередь, Германия, Нидерланды, Италия. Мы ожидаем рост спроса в этих странах в текущем году.

И. ПЕСЧИНСКИЙ: А на сколько ожидаете рост спроса, с учетом погоды?

Е.В. БУРМИСТРОВА: Есть самые разные прогнозы. Есть консенсус-прогноз, который показывает рост в Германии на 6%, есть прогноз, который показывает рост в Нидерландах на 8%. У нас на сегодняшний день достаточно консервативная оценка, но, тем не менее, как говорил Александр Иванович в начале своей речи, мы уже идем опережающими темпами по сравнению с 2016 годом.

ВОПРОС: Светлана Саватеева, агентство «Интерфакс». Недавно были переговоры с Болгарией, насколько я понимаю. И якобы они попросили «Газпром» обеспечить поставки 15 млрд куб. м газа. Вы готовы обеспечить эти поставки? И по какому направлению, по какому газопроводу?

А.И. МЕДВЕДЕВ: Я 15 лет работаю в «Газпроме», и у меня сначала была очень большая полка, на которую я ставил запросы на покупку газа, которые начинались с объема 10 млрд куб. м. За 15 лет большая полка оказалась вся занята этими файлами. Пришлось их

сдать на макулатуру, потому что они все носили однотипный характер. И несколько контрольных слов позволяли эти запросы сразу отправлять в мусорный ящик.

В данном случае я участвовал в переговорах. Никаких запросов на 15 млрд куб. м не поступало. Текущий объем болгарского рынка хорошо известен. Потенциал газификации Болгарии есть. Мы сами в свое время активно предпринимали попытки газификации Болгарии, и созданные нами газораспределительные мощности позволяют поставлять потребителям 350–400 млн куб. м газа в год. Однако, в отличие от Турции, где газификация шла ускоренными темпами в период высоких цен и продолжает идти в период низких цен, в Болгарии, в отсутствие целенаправленной политики и несмотря на отсутствие других источников энергии, уровень потребления, который при Советском Союзе составлял ни много ни мало около 7 млрд куб. м в год, сейчас не превышает 3 млрд куб. м.

Для того, чтобы газ перепродавать, у нас есть свои маркетинговые и трейдинговые подразделения. Это компании GM&T и Wingas, которые успешно работают в Европе. Нам не нужны посредники для перепродажи газа. Мы сами умеем это хорошо делать.

ВОПРОС: Мария Гордеева, агентство РИА «Новости». Болгарские СМИ сегодня написали о том, что Болгария в ходе переговоров на ПМЭФ поднимала вопрос о строительстве «Южного потока» — они теперь это называют «Южным потоком — 2» — возможно, меньшей мощности, чем предполагалось. Идут ли такие переговоры о строительстве каких-либо новых мощностей? Может быть, в продолжение «Турецкого потока»?

А.И. МЕДВЕДЕВ: Я детали раскрывать не буду, потому что мы начали работать с нашими болгарскими коллегами. Хочу только напомнить историю: все для начала строительства «Южного потока» в направлении Болгарии было готово. Были трубы, были трубоукладчики. Еврокомиссия говорила о том, что надо будет обсуждать вопрос доступа к мощностям, но никто не заикался о том, что нельзя строить.

Потом Болгария, видимо, под давлением извне, приняла решение заблокировать строительство «Южного потока». И мы, как вы помните, этот проект официально закрыли. Хотя говорят, что в одну реку войти дважды нельзя, можно по другому руслу попробовать пройти. Варианты распределения газа второй нитки «Турецкого потока» разнообразны. В т. ч., помимо направления на Италию, есть направление на север, и можно обсудить, как удовлетворять потребности каждой страны в дополнительных транспортных мощностях. Поэтому мы с болгарскими коллегами обсуждаем варианты развития ГТС Болгарии. Я подчеркиваю, именно об этом пока идет речь.

ВОПРОС: Виталий Соколов, портал Energy Intelligence. На ПМЭФ «Газпром» подписал соглашение по проекту Poseidon, который, понятно, будет продолжением «Турецкого потока» в Грецию и потом в Италию. Вы говорите, что продолжаете обсуждение с Болгарией. Эти варианты исключают друг друга, или у «Турецкого потока» может быть два продолжения в страны Европы?

Какова вероятность подключения «Турецкого потока» к проекту ТАР? Появилась информация о том, что акционер проекта итальянская компания Snam предлагает вам подключить «Турецкий поток» к ТАР. И другой акционер — Fluxys — вроде бы тоже не против. Какова ваша позиция по этому поводу?

И еще вопрос по «Северному потоку — 2». Брюссель хочет провести переговоры по поводу специального юридического режима для проекта. «Газпром» будет проводить такие переговоры?

А.И. МЕДВЕДЕВ: Что касается Poseidon и TAP, то ситуация, в которой построенная труба будет лежать незаполненной, — противоестественна. Поэтому теоретически, я подчеркиваю, теоретически при реализации проекта Poseidon было бы возможно использовать мощности газопровода TAP. Но мы здесь ни в коем случае не можем и не будем выступать просителями. Это должна голова болеть у владельца газопровода TAP. Потому что источник газа вы знаете, какой там предусматривался. Ситуацию в нефтегазовом секторе Азербайджана вы можете легко узнать из прессы. У Азербайджана повышенные и растущие потребности закачки газа в пласт с целью поддержания добычи нефти на основных месторождениях. Это нешуточный вопрос. Это не вопрос выбора, это вопрос необходимости. Нефть является основным источником бюджета Азербайджана. И если в этой ситуации мощности TAP окажутся пустыми, это выбор участников TAP: держать их пустыми или попробовать найти взаимопонимание, например, с нами. Теория теорией, а практика практикой. Мы открыты для любых вариантов развития бизнеса в Европе и считаем, что сотрудничество было бы идеальным. Но никого заставлять мы не собираемся.

По «Северному потоку — 2». Эта юридическая коллизия длится уже не первый год. Есть юридическое заключение о том, что нормы Третьего энергопакета Евросоюза не могут применяться к морской части газопровода «Северный поток — 2» так же, как они не могли применяться и к первому «Северному потоку». Сейчас непонятно, из каких соображений, говорят: «Давайте-ка мы получим мандат на проведение переговоров — непонятно, с кем, с «Газпромом» или с РФ — о том, чтобы распространить уже правила, энергетические принципы Евросоюза на «Северный поток — 2». Но все-таки мы исходим из того, что принципы рыночной экономики еще будут работать в Европе, или Еврокомиссия хочет взять на себя роль Госплана? Хочется верить в то, что все-таки возобладает разум. Необходимости никакой нет, обсуждать там нечего, потому что в сухопутной части мы все нормы Еврокомиссии приняли. И более того, сухопутная часть реализуется уже на этих принципах, по регулятивному режиму. Поэтому я не вижу никакого повода вообще эту тему обсуждать. Еврокомиссия лучше бы занялась вопросами обсуждения энергетической политики, это было бы более полезно.

ВОПРОС: Эмре Абай, агентство Anadolu. Первый вопрос по поводу скидок на газ для Турции. Мы знаем, что уже где-то три года ведутся переговоры, но мы еще не получили каких-то результатов. Как Вы оцениваете эти переговоры и когда мы увидим какие-то результаты?

Второй вопрос связан с кризисом в Катаре. Как Вы оцениваете этот кризис с точки зрения перспектив глобального рынка природного газа?

А.И. МЕДВЕДЕВ: Это долгая-долгая история. В принципе, у нас иногда ценовые переговоры могут затягиваться и на большой срок. Но в данном случае мы начинали переговоры в период очень высоких цен, а сейчас мы находимся в периоде низких цен. И уже впору говорить не о скидках, а о наценках.

Елена Викторовна постоянно находится в контакте с компанией Botas и Министерством энергетики. Я сам не так давно был в Турции. Мы свои позиции определили. Я всегда предпочитаю решать дело не арбитражным путем, хотя кто-то может подумать, что

арбитраж может дать лучшие результаты. Но уже не раз были случаи, когда арбитраж принимал решение, которое давало нашим иностранным партнерам результат гораздо хуже того, что предлагали мы в ходе переговоров. Я надеюсь, что совместная реализация проекта «Турецкий поток» поможет в т. ч. решить и коммерческие вопросы.

По Катару. Я считаю, что нужно подождать, потому что очень трудно пока предсказать, как эти события будут развиваться дальше. Пока мы видим ограничения в авиасообщении, движении товаров, в т. ч. продовольственных. Объем экспорта Катара на рынок СПГ огромен. Если там возникнут какие-то проблемы, это, конечно, может привести к крайне негативным последствиям для ценовой ситуации. Все-таки, пускай, не для Европы, но для Азии катарский СПГ имеет огромное значение. Европейский рынок пока остается сегментированным от рынка Азии или рынка США, поэтому влияние, если оно будет, не может быть катастрофическим.

ВОПРОС: Анастасия Астрашевская, агентство Platts. Первый вопрос по Poseidon. Вы подписали соглашение с DEPA и Edison. Были ли договоренности о времени начала поставок и объемам?

Второй вопрос касается решения Стокгольмского суда. У вас было время оценить это решение не в пользу «Газпрома». Насколько оно серьезно для компании, и какие шаги вы намерены предпринимать?

И в продолжение темы Украины: как «Газпром» намерен осуществлять поставки через Украину после 2019 года? «Газпром» не раз говорил, что будет продолжать транзитировать некие объемы по этому маршруту.

А.И. МЕДВЕДЕВ: Наши договоренности по Poseidon еще далеки от того, чтобы определить срок начала поставок. Но в принципе все наши проекты ориентированы на одну дату — это начало 2020 года.

Вспоминая вопрос, который задала одна американская журналистка, я Вас тоже спрошу: «Вы читали решение Стокгольмского арбитража, раз Вы так уверенно говорите о том, что оно не в нашу пользу?» Нет, не читали. А я читал. В любом случае баланс по этому решению для «Газпрома» положителен, даже на предварительном этапе. Объем этого баланса будет определен по итогам окончательного решения арбитража.

Один вопрос только затрону: говорят, что арбитражное решение отменило take-or-pay. Это не так. Не отменило оно take-or-pay. Я не буду вам рассказывать, что там на самом деле, но отмены take-or-pay нет. Это такая публичная манипуляция.

Работа идет. Мы арбитражные решения всегда уважали и уважаем. Есть время для обсуждения предварительного заключения. Я думаю, что и украинская сторона будет давать какие-то комментарии. Баланс будет определен по итогам окончательного заключения. Но уж если так громко бьют себя в грудь представители украинской стороны, то я тогда тихонечко скажу, что баланс — в пользу «Газпрома».

По поставкам через Украину после 2019 года. Мы готовы вступить в переговоры, приглашаю наших украинских коллег приехать к нам. Они предоставляют услуги, поэтому в этом нет ничего злонамеренного. Они всегда приезжали обсуждать транзит. В ответ мы получили, еще, правда, до выборов Трампа, приглашение приехать на переговоры в США. Может быть, это тонкий юмор. Я давно в Нью-Йорке не был и я бы с удовольствием съездил, но не по этому поводу. То, что определенные объемы могут, я

подчеркиваю, могут остаться для транзита через Украину, это так. Но масштаб этих объемов будет зависеть в т. ч. и от условий, которые могут быть предложены и согласованы с украинской стороной. К сожалению, фактор технологических рисков — это не наши данные, это можно найти на официальном сайте Евросоюза. Аварийность на газопроводах украинской ГТС не в разы, а на порядок превышает нормы ГТС Европы. И ликвидировать этот разрыв можно только многомиллиардными инвестициями. А рисковать транзитом, особенно в зимний период, — это неприемлемо.

ВОПРОС: Елена Мазнева, агентство Bloomberg. Продолжая тему Украины, хотела уточнить — 30 июня вы ждете финального решения Стокгольмского арбитража? Просто недавно было заявление «Нафтогаза» о том, что какое-то финальное решение со всеми цифрами ожидается через 2–3 месяца, где будут подсчитаны все компенсации сторон и т. д.

И второй вопрос по поводу «Роснефти» и ее планов все-таки когда-то добиться права экспорта газа из России. Вдруг у вас есть какие-то консультации с «Роснефтью» о том, чтобы «Газпром» все-таки выступал комиссионером, если не будет изменено законодательство, в частности, в продолжение подписанного меморандума между «Роснефтью» и ВР о поставках газа в Европу с 2019 года?

А.И. МЕДВЕДЕВ: Дата, которую Вы назвали, 30 июня, — это дата предоставления возражений и комментариев. Это не означает, что 30 июня сразу последует окончательное заключение. Более того, как мы знаем, арбитражи часто сроки вынесения решений могут сдвигать. И, как правило, не в сторону ускорения, а в сторону затягивания. Это непростой вопрос, и он требует серьезной работы.

Что касается «Роснефти», я на этот вопрос уже неоднократно отвечал. Если ты вырастил одно яблоко и думаешь, что можешь его продать лучше, чем тот, кто вырастил тонну яблок и продает их 40 лет, то, конечно, одно яблоко, может быть, можно продать чуть дороже. Тем более что у тебя расходы на это яблоко гораздо ниже, чем на выращивание тонны. У нас действует закон, который был модернизирован и разрешил экспорт СПГ, который, начнется в этом году с проекта «Ямал-СПГ», где мы, кстати, являемся одним из крупных покупателей.

У нас дефицита газа для удовлетворения наших потребителей в Европе нет. Мы можем, как я говорил, немедленно добавить 100 с лишним млрд куб. м поворотом крана. Поэтому, если Великобритании нужен газ, мы можем туда тоже его поставить.

Е.МАЗНЕВА: Т.е. вы не ведете консультаций с «Роснефтью» о том, чтобы выступить комиссионером?

А.И. МЕДВЕДЕВ: Я видел ряд высокопоставленных руководителей «Роснефти», но меня никто об этом не просил. Может, они считают, что меня об этом и не надо просить. А главное, что я никакого экономического смысла не вижу в этом, даже не для «Газпрома», а для российского государства.

ВОПРОС: Оксана Кобзева, агентство Reuters. Первый вопрос касается Еврокомиссии, которая проводит рыночный тест. Ситуация затянулась, поскольку все говорили, что в мае уже будет все известно. Но мы видим, что ряд стран уже выступают с замечаниями. Когда вы ждете, что закончатся переговоры по этому вопросу и будет какое-то решение? Возможно ли, что «Газпром» пойдет еще на какие-то уступки Еврокомиссии в обсуждении этого вопроса?

Вторая тема касается газопровода Opal. Когда вы ждете получения доступа к аукциону? Будете ли вы вступать в какие-то судебные тяжбы по этому вопросу? Или вы уже вступили? Поскольку в меморандуме у вас значилось, что вы по этому вопросу каким-то образом проявляете инициативу.

Третий вопрос по поводу финансирования «Северного потока — 2». Сегодня было сообщение о том, что «Газпром» заключил еще соглашение о дефицитном финансировании после 2019 года. Можете пояснить схему? Поскольку там изначально речь шла о бридж-кредите от партнеров на 6 с лишним млрд евро, то каким образом эта сумма будет рефинансироваться после 2019 года? Взял ли «Газпром» какие-то обязательства о предоставлении части суммы? Будет ли сам Nord Stream 2 AG привлекать финансирование на рынке или нет?

А.И. МЕДВЕДЕВ: Давайте начнем с антимонопольного расследования. Процедура рыночного теста, объявленная Еврокомиссией, завершилась. Она собрала умеренное количество замечаний, комментариев, и в ходе моей встречи с Еврокомиссией мы договорились о том, как мы дальше будем с этими комментариями жить. И в первую очередь Еврокомиссия должна определиться, какие комментарии будут приняты к рассмотрению, а какие нет. Почему я говорю о том, что они не будут приняты? Потому что, хотя была договоренность о том, что не нужно в публичном поле до решения эту тему обсуждать, ряд политиков, я уже не говорю о представителях компании, которые себе тоже это позволили, а крупные руководители, включая президента даже, стали делать политические заявления. Скорее, не политические, а политиканские. О том, что никакой тест не нужен, а нужно взять и наказать «Газпром». И опять там млрд долл. США и т. д. и т. п. Разрушить газовый рынок, все поставить с ног на голову. Я не буду комментировать политиканство. Очень надеюсь, что мы останемся в рамках этого расследования, которое имеет четко очерченные границы. Известны темы, которые были все рассмотрены. Мы своей вины не признавали, не признаем и не собираемся признавать. Мы не такие, как в пьесе Островского, «без вины виноватые». Мы просто невиновны. Но мы пошли на диалог с Еврокомиссией для того, чтобы европейский рынок развивался, а Еврокомиссия в лице комиссара по конкуренции была уверена в том, что конкуренция развивается. А мы, на самом деле, будучи пионерами конкуренции на немецком монополизированном рынке, не менее, а иногда даже более, чем Еврокомиссия с ее Комиссариатом по конкуренции, заинтересованы в том, чтобы эта конкуренция развивалась. Потому что мы — активный участник рынка. Мы наметили, как будем работать дальше, и будем смотреть, какие там есть замечания, можно ли их учесть, можно ли их принять. Будет нормальная работа, я надеюсь. По крайней мере, из того, что я услышал, я никаких особенностей, неожиданностей, сюрпризов не вижу. А комментарии в прессе польских и литовских коллег я оставлю без внимания. Пока что.

По комментариям и срокам. Мы список разглашать не будем, поскольку пока не понятно, что из него будет принято к рассмотрению. Будем заниматься дальше. Все-таки надеюсь, что, может быть, в этом году все закончится.

Теперь по Opal. Это как в присказке «назло бабушке уши отморожу». Opal является ключевым элементом распределения газа в Европе. В то короткое время, на которое мы получили доступ на 100% его мощности, газопровод показал важность и эффективность работы. Прежде чем я перейду к этой теме, я, как товарищ Саахов, скажу: «Да здравствует Европейский суд, самый справедливый суд в мире!» на всякий случай. Так вот, взяли и подали заявление в Европейский суд с жалобой на Еврокомиссию, к тому же

с обеспечительными мерами. В результате мы использовать Oral опять не можем. Вопрос обеспечительных мер обещали решить в марте, в апреле, в мае...не решили. Нас не допустили стороной к рассмотрению этого вопроса.

Может быть, это юридически слишком просто, но в Еврокомиссии работают представители всех государств, включая Польшу. Решение по Oral готовилось долгие годы при участии в т. ч. представителей Польши. Насколько я знаю, никаких негативных голосований не было в Еврокомиссии. А потом возникли вопросы по принятому решению, причем по скорректированному мнению, которое отличалось от того, что мы изначально согласовали и к которому мы смогли адаптироваться в полном соответствии со всеми нормами. Я думаю, здесь на карту поставлена вообще дееспособность Еврокомиссии. Поэтому давайте подождем.

По «Северному потоку — 2». Я хочу сказать, что все документы, связанные с финансированием проекта, оформлены и подписаны. Они касаются начального, промежуточного и окончательного финансирования. Детали структуры будут понятны не сейчас. Но самое главное, что проект полностью обеспечен финансированием.

ВЕДУЩИЙ: К нам по интернету тоже приходят вопросы. Вот, в частности, вопрос от Wood MacKenzie. Собирается ли «Газпром экспорт» увеличить продажи газа через аукцион в 2017 году?

А.И. МЕДВЕДЕВ: Я предлагаю Елене Викторовне ответить от лица «Газпром экспорт».

Е.В. БУРМИСТРОВА: Как вам известно, в 2016 году мы провели 2,5, почти что 3 аукциона, которые показали свою эффективность. Мы это видим в т. ч. и по цифрам, которые здесь были озвучены, — 178,3 млрд куб. м. Это рекордный объем поставок газа за всю историю существования компании.

Если говорить о газовых аукционах в 2018 году или в 2017, то есть в текущем году, то мы не исключаем возможности их проведения. Но точные даты на данный момент я вам вряд ли смогу назвать. Скорее всего, это будет ближе к осенне-зимнему периоду, поскольку пока мы и так идем опережающими темпами. В целом наша стратегия на 2017 год в случае необходимости проведения дополнительных продаж дополнительных объемов, возможно, покажет необходимость проведения этих аукционов.

ВОПРОС: Людмила Подобедова, РБК. Я хотела к Ближнему Востоку немножко повернуться. Как Вы сейчас оцениваете перспективы поставок газа в Индию, например, из Ирана или России? Какой маршрут видите приоритетным?

И по Ирану. Недавно сообщалось о подписании соглашения по Farzad-B. Какая доля «Газпром» там интересуется, на каких условиях и какая внутренняя норма доходности иранских ЕРС-контрактов вас бы устроила? Есть ли уже переговоры по конкретным проектам?

А.И. МЕДВЕДЕВ: Мне кажется, что Иран лучше рассматривать в рамках АТР.

ВЕДУЩИЙ: Давайте перенесем этот вопрос на четверг.

А.И. МЕДВЕДЕВ: Чтобы не оставить Вас без ответа, я могу только сказать, что рассматривалось большое количество вариантов организации поставок трубопроводного газа в Индию с потенциальным вовлечением не только Ирана и России, но, может быть, и третьих стран. Сейчас это количество вариантов существенно сокращено. То есть то, что

не проходит по экономике, исключено, а те варианты, которые могут дать приемлемый экономический результат с точки зрения конечной цены газа на рынке, остались и будут дальше обсуждаться. Ясно, что потенциал оптимизации заложен в реализации разменных операций с участием нескольких стран и с учетом тех поставок, которые планируется организовать в ближайшем будущем. Индия — потенциально огромный рынок. Тут достаточно вспомнить, что, как несколько раз напоминал премьер-министр Индии, население страны — 1,25 млрд человек, с потребительской моделью, которая сопровождается повышенным энергопотреблением.

ВОПРОС: Ярослав Корибски, газета *Hospodarske noviny*. Александр Иванович, некоторое время назад Вы говорили, что возможны поставки через Словакию после 2019 года того газа, который пойдет через «Северный поток — 2». Есть ли какие-то новости по этому вопросу с точки зрения объемов?

А.И. МЕДВЕДЕВ: Самое главное, что никаких плохих новостей нет. Все договоренности, которые у нас со словацкими коллегами достигнуты, остаются в силе. Они носят обязывающий характер, и в том, что газ будет идти через Словакию, у меня никаких сомнений нет.

ВОПРОС: Евгения Соколова, агентство ТАСС. Вопрос по закрытому проекту «Южный поток». У вас идет судебное разбирательство с компанией Saipem. Был подан встречный иск. Почему было принято такое решение, если раньше вы говорили о возможности досудебного урегулирования, в т. ч. путем выбора этой компании в качестве подрядчика для других проектов?

А.И. МЕДВЕДЕВ: Внутреннюю кухню арбитражных процессов на пресс-конференциях раскрывать не принято. Поэтому что есть, то есть. Пока таких решений не найдено. Тут понимаете, «либо я ее веду в ЗАГС, либо она меня ведет к прокурору». Арбитражные процессы идут.

ВОПРОС: Иван Песчинский, газета «Ведомости». Александр Иванович, не так давно случился казус на Украине по поводу «Газтранзита». Какова ваша позиция по поводу арестованных акций, остались ли какие-то еще рычаги отстаивания своих прав и в какие сроки вы планируете это сделать?

А.И. МЕДВЕДЕВ: Украина пока не назвала Кафку украинским писателем, хотя не исключаю, что это может произойти. Но действия украинской стороны носят чисто кафкианский характер. Если вы внимательно прочтете, «Газпром» был обвинен в монопольной роли в ситуации, когда мы являемся не компанией, которая предоставляет услуги, а мы являемся получателем услуг. Какую бы логику или геометрию Пифагора или Лобачевского тут ни применить, я не могу найти хоть какого-то объяснения, даже попытавшись встать в украинские лапты.

Ведь этим дело не ограничилось. Присужден штраф, исчисляемый млрд долл. США, непонятно, как посчитанный. И теперь стали искать, как этот штраф материализовать, несмотря на то, что при моей встрече с господином Шефчовичем и министром энергетики Украины в Брюсселе они громогласно говорили о том, что никаких действий, которые могут представлять риск для транзита российского газа в Европу, предприниматься не будет. Но если они думают, что этот риск связан только с конфискацией газа и можно отнимать бесцеремонно активы компании, которая действует уже не первое десятилетие, обеспечивая существенные объемы транзита в южном направлении, в т. ч. через

подводный переход через Дунай, это абсолютно безответственно. И более того, это не соответствует тем обещаниям, которые были сделаны. Поэтому мы будем предпринимать все необходимые действия для того, чтобы и Европа увидела, что происходит, и аппетит к таким действиям пропал. Потому что недавно было заявление: «Да — говорят, — мы обыскались «газпромовских» активов на Украине. Больше ничего нет. Будем сейчас искать за рубежом». Я не хочу цитировать ни украинских, ни российских писателей, хотя мог бы. Но часть цитат содержит ненормативную лексику, поэтому я не буду ее применять.

ВОПРОС: Светлана Саватеева, агентство Interfax. Первый вопрос по Турции. Недавно была информация о том, что вы продаете Bosphorus Gaz. Не могли бы Вы прокомментировать, почему? И есть ли у вас уже потенциальный покупатель на этот актив?

Второй вопрос. Не могли бы Вы прокомментировать следующее. Недавно Департамент 310 «Газпрома» получил функции диспетчеризации потоков российского газа в Европе. Насколько эффективно они справляются с этой задачей?

И не могли бы Вы рассказать о целях и задачах проекта «Стрела»? Каковы этапы его реализации, сколько людей уже сокращено?

А.И. МЕДВЕДЕВ: Сколько людей нанято, Вы хотели спросить?

С.САВАТЕЕВА: Сокращено или нанято. И какие есть показатели эффективности этого проекта?

И последний вопрос. Вы год назад рассказывали об этапах и целях интеграции Wingas в «Газпром». Мы видим, что уже некоторые дочерние компании Wingas работают под брендом «Газпрома». Может быть, за год у вас появились какие-то уточненные моменты по интеграции Wingas в «Газпром»?

А.И. МЕДВЕДЕВ: События на турецком рынке носят сложный характер, в т. ч. и в связи с экономической ситуацией в Турции. Потому что последние политические события очень сильно повлияли на курс турецкой лиры. Кроме того, цены остаются регулируемы, действует механизм субсидирования для газа, который продает компания Botas. Поэтому фактически полноценного свободного рынка, несмотря на то, что был принят в свое время газовый закон, как не было, так и нет. И в связи с этим, тем более учитывая действия, которые предпринимаются турецкой стороной с другими частными компаниями, мы стали рассматривать вопрос о возможном выходе из этого актива на текущем этапе по экономическим соображениям и соображениям непредсказуемости. Это никак не влияет на наши взаимоотношения с турецкими партнерами. Мы были единственной компанией, которая пошла на переуступку части объема частным покупателям. Это, конечно, сыграло роль в развитии рынка, но кто окажется окончательным владельцем — это надо еще подождать. Есть определенные правила работы, и о них еще рано говорить.

О диспетчеризации. Ваша информация не совсем корректна. Департамент 310 привлечен к работе, он как играл, так и играет определенную роль. Говорить о том, что «Газпром экспорт» исключен из этой цепочки, нельзя. Это не так. Я попрошу Елену Викторовну прокомментировать.

Е.В. БУРМИСТРОВА: Да, это скорее к нам вопрос. Председателем Правления «Газпрома» был подписан приказ о временном регламенте подтверждения заявок от

покупателей. Ранее эти функции полностью исполнял «Газпром экспорт». Сейчас мы это делаем совместно с 310-м Департаментом, это Центральное диспетчерское управление. Но по своей сути механизм не поменялся. Просто когда мы поставляем газ месторождений Западной Сибири в Европу, естественно желание полностью понимать весь процесс и работу каждой из отдельных компрессорных станций. В «Газпром экспорте», наоборот, вчера был подписан приказ о дополнительном наборе нескольких человек, которые будут взаимодействовать с Департаментом 310, выполняя эту работу. И, конечно же, такого рода внутренние изменения никак не сказались на объемах и качестве поставок газа европейским потребителям, что самое главное в нашем случае.

А.И. МЕДВЕДЕВ: Более того, за этим стоит очень простая цель — чтобы управление ГТС на территории России и управление зарубежными поставками было оптимизировано. Резервы оптимизации есть, и именно с этой точки зрения определенные дополнительные функции были возложены на Департамент 310.

Теперь про «Стрелу». Тоже, по-моему, какая-то сказка есть, когда молодец выпустил стрелу, пришел, а там сидит лягушка на кочке. И дальше была история. Хорошее красивое название «Стрела», интеграция зарубежной деятельности является логичной на данном этапе развития, тем более, что у нас — две мощные дочерние компании, находящиеся в 100%-й собственности, в Великобритании и Германии, со своей спецификой, особенностью трейдинговой и маркетинговой деятельности. Какова будет окончательная конфигурация этой «Стрелы» и в кого обратится поймавшая стрелу лягушка, вы скоро узнаете.

По брендингованию. Я считаю, что бренд «Газпрома» общепризнан. Неслучайно мы тратим определенные средства на продвижение нашего бренда различными способами, в т.ч. и через спорт. Бренд Wingas был известен в рамках нашего совместного предприятия с компанией Wintershall. Наша генеральная линия в том, что мы работаем в Европе под брендом Gazprom и будем в этом направлении двигаться. А когда что будет перебрендовано — это вопрос уже конкретного решения.

ВОПРОС: Анастасия Асташевская агентство Platt's. Вопрос по «Северному потоку — 2». Пять европейских компаний согласились профинансировать практически половину стоимости проекта, а «Газпром» остается 100%-м владельцем акций компании. На каких условиях европейские компании согласились это сделать, есть ли за этим какое-то соглашение?

Второй вопрос по «Балтийскому СПГ». Недавно было объявлено о переносе сроков ввода этого завода, но на ПМЭФ «Газпром» подписал два соглашения с Shell. На какой стадии проект, и с чем был связан перенос?

А.И. МЕДВЕДЕВ: Вы правильно обратили внимание на то, что у нас в составе акционеров компании Nord Stream 2 AG нет иностранных акционеров. Поэтому проект реализуется на основе схемы финансирования, в котором иностранные коллеги взяли на себя определенные обязательства. И сейчас эти обязательства все определены, и финансирование начинает работать. Как это будет дальше развиваться — трудно загадывать.

Финансированием занимается компания Nord Stream 2 AG, генеральный директор которой успешно реализовал первый проект «Северный поток». И Председатель Совета директоров у нас тот же самый — г-н Герхард Шредер.

По «Балтийскому СПГ». Проект переходит на очень важную стадию подготовки совместного обоснования инвестиций, в ходе которой будут приняты и технологические решения, которые создадут основу для подготовки перехода к стадии проектной документации. Проект обладает очевидными преимуществами в связи с тем, что он не привязан к какому-либо конкретному месторождению. Это означает, что, особенно с учетом того сокращения удельных затрат, которое уже достигнуто и будет дальше прорабатываться, он не только будет конкурентоспособен по сравнению с австралийскими дорогими проектами, но, я уверен, посоревнуется и с американскими проектами в части конкурентоспособности. Этот проект нам даст дополнительную гибкость при работе. Рынки тоже понятно, какие, они уже предъявляют спрос, и мы в ближайшее время начнем работать и по маркетингу. Этот проект не новый, мы его уже обсуждали довольно давно. И в т. ч. наработки того периода сейчас все используются. Так что я уверен, этот проект будет реализован. Сейчас срок — 2023 год.

Е.В. БУРМИСТРОВА: Тут стоит добавить, что перенос сроков вызван текущей рыночной ситуацией и как раз показывает то, что «Газпром» ежегодно корректирует свою стратегию в зависимости от того, что происходит на рынке.

ВОПРОС. Евстолия Таранда, телерадиокомпания «Ямал-Регион». Александр Иванович, Вы уже упоминали вскользь об экспорте сжиженного природного газа с Ямала. Можно узнать подробности об истории вопроса, что сейчас происходит? Можете ли Вы назвать какие-то цифры.

А.И. МЕДВЕДЕВ: По информации наших коллег из «НОВАТЭКа» и компании Total, начало поставок с проекта «Ямал-СПГ» планируется на IV квартал этого года. Есть график выхода на проектную мощность в 10 млн т в год. У нас контракт с «Ямал-СПГ» на 2 млн т с возможностью увеличения до 2,5 млн т. Между какими контрактами первый СПГ будет распределен, еще является предметом обсуждения. Дата начала поставок в наш адрес будет определена уже, думаю, достаточно скоро. Может быть, даже до конца года.